

того, чтобы осмыслять жизнь, как проблему этическую и религиозную.

Получение не удалось. Художник умер, хоралист не выявился...

Это была Гоголевская загадка. Остались слезы, которые роняли они, страстно пытались раскрыть тайники, святая святых душа своей и людей. Это было последний путь от высокой реализма к безнадежным страданиям, смерть художника, накануне смерти тела.

«Выразительные мистерии», написанные в полосе этой Гоголевской, были встретлены враждебно даже лучшими друзьями Гоголя. Их пророчество и учительство уже не имели никакой связи со временем великих творчеством...

Желая очистить других, Гоголь, ради поэзии своей, ради ясности ее, самъ отдался показанию и посты. Тогда «страшный судъ», о котором она когда-то писала матери, дохнула на него величайшую страхомъ и заставила чуть ли не осудить всю свою предшествующую работу.

Необходимость борьбы «против враговъ людей, а не против самихъ людей» (письмо из Языкова) обратилась в тревогу. И чортъ, который только и любитъ женщинъ («Занимки сумасшедшего», который творил тоску и сплетни, старый чортъ малороссийскихъ сказаний), вдругъ выросъ передъ Гоголемъ въ жуткий образъ, обратился въ живое зло, въ почти реального врага.

Въ письмахъ Гоголя къ Шевыреву изъ Невады есть интересные слова: «Уже съ давнихъ поръ я только и, хлопочу о томъ, чтобы послѣ моего сочиненія насыпали въ землю человѣкъ надѣль чортомъ».

Этотъ послѣдній смѣхъ не удался самому Гоголю.

И на Гоголевъ своего показали, въ естественной тоскѣ и въопропали, онъ не нашесть себѣ силь дать пропонять своей души, сотворить пѣнности этическія и религіозныя...

Фениксъ.

Мертвые души.

I.

«Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ на стоялъ, въ какомъ бы звании ни находился, почтень ли ты высшимъ чиномъ, или человѣкъ простого состоянія, но если тебя вразумилъ Богъ Грамотъ попалась уже тебѣ въ руки мои кляга, я прошу тебѣ помочь мѣтѣ!»

Этими словами начинается Гоголь свое предисловіе ко 2-му изданію «Мертвыхъ душъ».

Удивительное произведение—это маленькое, въ двѣ страницы, предисловіе! Удивительное потому, что изъ немногихъ великихъ душъ гигантскаго писателя, полна мучительного чайника правды, безгра-

дствіе большей и обезсиленной души гигантского писателя. Тамъ—поэтъ-художникъ, великий душевѣдъ, здесь—сухой моралистъ и бестрастный аскетъ, говоривший съ нестерпимой болѣю въ израненномъ сердѣ, съ надрывомъ въ сомкѣ о „великомъ признаніи“, о какомъ-то безгра-дѣньи самоотверженія, на которое онъ по-слалъ въ мѣсто, по одному мановенію высшей Воли! Тамъ—изразцовыя кружуба съ Пушкинскими, безъ сюжета котораго онъ не могъ предпринимать, а здѣсь—порабощеніе о. Матфѣя Константиновскаго, все подавленіемъ въ Гоголевъ силой своей не-терпимости, и фальшиваго духа. Тамъ—звонкій юморъ и громкій, во весь миръ, смѣхъ прямо въ лицо дoreформенной, пошлости и злоупотребленіямъ старой Россіи, здѣсь—мучительное сознаніе своей авторской поконченности и „невыразимой болѣи“.

Весь періодъ литературической пропаганды Гоголя характеризуется со-вѣщаніемъ отреченіемъ его отъ прежней художественной дѣятельности. Какъ нѣрѣдо это потомъ повторялось въ настѣніи: «Какъ это напоминаетъ намъ Л. Н. Толстого, отрекшагося въ наше дни отъ служенія „чистому искусству“ во имя своего аскетического идеала!»

Въ пріяніе умозыненій и беспа-мѣтства Гоголь сжегъ рукописи своихъ послѣдніхъ сочиненій, въ которыхъ его свободный духъ все еще хотѣлъ по-прежнему творить, мыслить живыми образами, гибкими картинаами, чувствовать ясными вѣлиями сердца. Все это Гоголь осудилъ, какъ пустыни, какъ дѣтскую шалость или какъ вздорный вымыселъ.

И по условію письма пурпурного гната въ Россіи того времени, и по недостаточно-сти богословско-философскаго образования Гоголь не могъ быть и не быть настоя-щимъ религиознымъ публицистомъ и вѣрнымъ истокомъ вѣрѣ идеи христіанства, предъ нашимъ обществомъ. Въ этомъ болѣтъ его сочиненій, въ которыхъ вѣрѣ уже все сказались безсистемности его аскетической проповѣди.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Достоевскому своему духовному судью.

Въ роли писателя-учителя, религіозного публициста Гоголь открылъ выступившіе въ послѣдній періодъ своей жизни и литературической дѣятельности. «Авторская Исповѣдь», особенно „Завѣщеніе“ и особенно „Переписка съ друзьями“, опшеломившая свою общество и православіе, неожиданностью все русское общество и литературу, привнесла въ линіи Гоголя великаго критика старой дoreформенной Россіи и народного трибуна, въ который его вѣрѣчили, ближе всѣхъ къ Гоголю походить Д

будто бы это окружающее не могло иметь центром ничего другого, как только его персону. С этой точки зрения он и опровергал все совершающееся. Точно также и Н. В. Гоголь, которому казалось, что вся Русь смотрит на него и ждет от него чего-то великого, всегда и всюду больше всего интересовалась своим собственным духовным «я» и уже под сильным преломлением такого своеобразного центростремительного субъективизма глядела на окружающее.

Оригинальный, хотя и односторонний, критик Максим Горький, анализируя творчество Л. Н. Толстого, причислил его самого к особому типу людей, которых он называл «эгоистами».

Что такое „эгоизм“? Это квант-эссе эзотерика. Эгоисты—все мы, и не можем не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизм—эдорное чувство, на котором зиждется борьба за самосохранение, в котором зиждется сама жизнь; эгоизм не защищает собственных „я“ от человека остального, объективного мира, и, первым дьялом, не наводит чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способен „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царит и довлеет над этим „я“, предисполагая ему известные условия поведения, прикладя его или мириться с известными обстоятельствами, или поступать определенным образом.

Итак, эгоизм—нормальное. Собственное „я“ кажется слишком величественным и значительным. Оно—центр всего окружающего, а не незначительная его часть. Эгоисту кажется, что он способен перевернуть весь мир, передать его во всем его начальстве. Каждый его поступок вырастает для него во неизвестного рода подвиг. Поэтому, он черезчур много значений придает всем побуждениям своей души, всем своим чувствам и мыслям, рождающим дыхание. Поэтому, собственная нравственная проблема вырастает в проблему огромной объективной важности.

Таковы в общих чертах типы людей, к которым Нордай относится—и по моему мнению, совершенство правильно отнес Толстого. К этому же классу людей, среди которых есть очень много великих, имеющих много гениальных безумцев и святых талантов, находит отнести и Н. В. Гоголя. Он был, без сомнения, такой же, даже, может быть, благодаря склонности своего образования и неизвестной односторонности своего развития, где мистицизм играл немалую роль—еще большая эгоист, чем Л. Н. Толстой. Он также преобличивал значение своего личного „я“, будучи полон энтузиазма великого дьяла.

Кроме того, оба писателя, благодаря особенностям условий своей жизни и своего воспитания, совершенно не понимали значения объективных условий существования людей.

Социальное строение общества, право-вой уклад жизни, классовая и расовая перегородка, экономический условий существования людей—словом, все, в чем выражается, во что выливается общественная сила людей друга с другом, и что так властно и всесторонне нарашивает человечество в настоящие времена—это оба почти игнорируются. Перед ними мир представляется, как отдельных, самодовлеющих нравственных единиц, которые могут, по своему желанию, как угодно устроить жизнь свою друг с другом, создать для этой жизни как-угодно видимую условию. Все значение нашей многообразной культуры, этого своеобразного ряда социального человечества, отрицаются. Так, где человек, могущий взглянуть на вещи с достаточной ширью здравого объективизма, увидит необходимость борьбы с этическими условиями, борьбы за нормы права, борьбы за создание новых институтов и новых экономических условий. Все значение нашей многообразной культуры, этого своеобразного ряда социального человечества, отрицаются. Так, где человек, могущий взглянуть на вещи с достаточной ширью здравого объективизма, увидит необходимость борьбы с этическими условиями, борьбы за нормы права, борьбы за создание новых институтов и новых экономических условий.

Но мы не будем сидеть дальше за письмами и фактами из жизни Гоголя, чтобы иллюстрировать его постоянное и все росшее стремление к великому „государственному дьялу“. Думается, что довольно уже приведенных цитат из писем Гоголя-юноши. После, когда Гоголь сбился величайшим писателем, то он его заявления в вышеуказанных духах стала еще интереснее и торжественнее, но суть их осталась же та же.

...Мы ли не благодарите Пострадавшего на земле, пишет он в 1836 году Жуковскому. Каких высоких, каких торжественных ощущений, невидимых, неизвестных для света, исполнена жизнь моя! Кинусь, я что-то сдѣлаю, чего не сдѣлает обыкновенный человекъ... Тогда, когда Гоголь писал эти строки, ему едва было двадцать лет...

Но мы не будем сидеть дальше за письмами и фактами из жизни Гоголя, чтобы иллюстрировать его постоянное и все росшее стремление к великому „государственному дьялу“. Думается, что довольно уже приведенных цитат из писем Гоголя-юноши. После, когда Гоголь сбился величайшим писателем, то он его заявления в вышеуказанных духах стала еще интереснее и торжественнее, но суть их осталась же та же.

Или, в другом письме к тому же Жуковскому:

...Кто-то незримый пишет передо мною неизвестные желания. Знай, что моя миссия—будь счастливей меня, и потомки твои же земляки мои, могутъ с глазами взглянуть на тебя, произнесутъ применение моей твоей...

Подобных отрывков можно было бы привести десятки.

3.

Таковъ внутренний мир Гоголя. Великий писатель былъ полонъ каждой великаго дьяла, каждою сдѣлать то, что не сдѣлаетъ обыкновенный человекъ. Но что онъ могъ считать, прежде всего, за великое? Какъ уже сказано, онъ выше всего и больше всего цицерни нравственное совершенствование людей, моральный прогресс человечества. Социальное развитие, новаторство, и усовершенствование формъ жизни для него казалось вещью производной, зависимой от нравственного совершенствования.

„Не смущайтесь никакими событиями, какими ни случатся вокругъ васъ, пишетъ онъ въ своемъ духовномъ завещаніи другому—Дѣлайте каждый свое дѣло, моясь въ тишинѣ. Общество тогда только поправится, когда всякий честный человѣкъ займется собою и будетъ жить, какъ християнинъ, слуша Бога тѣмъ орудиями, какъ ему дадутъ, и, стараясь извлечь добрая външность изъ небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все придется тогда въ порядке, самъ собой установится, тогда правильныя отношения между людьми опредѣляться предѣлы, законные всему. И человечество движется впередъ“.

И, вотъ, поэтому, въ силу такихъ взаимодействий, побуждение людей къ совершенствованію, моральному прошествію Н. В. Гоголя ставитъ въ долгъ быть ставить выше всѣхъ другихъ ролей дѣятельности, —скажемъ больше,—читай единственно, достойной себя дѣятельностью. И на свое писательство, еще задолго до обострения внутреннего душевного разлада, привыкъ глядѣть, какъ на своего рода

еще малычкомъ, еще будучи изъжитомъ, онъ говорить о себѣ въ высокомъ, проповѣдующемъ тонѣ, еще малычкомъ онъ разко отдаляетъ себѣ отъ остальныхъ людей, и ставить себѣ особенную цель.

...Я почтально заглянулъ на всѣхъ, пишетъ онъ изъ лица своей матери—мама не разглагола меня совершенно... Въ мама называла меттателемъ, опрометчевымъ... Нѣтъ, я слишкомъ знаю людей,

чтобы быть меттателемъ.

Ученые народную моральную проповѣдь. Убеждение, что въ писательствѣ можетъ быть и писательство можетъ быть именно такого рода проповѣдь, только и заставило его окончательно примириться съ нимъ, какъ съ главнымъ дѣломъ своей жизни, и отказатьться отъ поисковъ труда на пользу ближнихъ на другомъ по-лиць.

„Какъ тяжело быть автору вѣтъ съ созданиями низкой неизѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населяющихъ Нѣжинъ. Они задавали корю своеї земности, читаютъ самодовлеющей высокое назначение человека. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогие наставники наши“...

Такъ пишетъ подростокъ, не достигший еще 16 лѣтъ.

По окончаніи курса въ Нѣжинѣ, Гоголь отправляется въ Петербургъ, и отправляется съ самыми гордыми и широкими планами. Онъ привыкъ чутъ ли не обновить всю родину, въ его головѣ рождаются, хаотичные, въ своей неопределенности, планы грандиозного служения обществу...

...Испытуя свои силы—пишетъ онъ передъ отѣздомъ въ столицу материальную подпитку труда важного, благородного, на пользу отечества, для счастья грандиозныхъ, на которые способенъ „я“ изъ земли, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

Итакъ, эгоистъ—все мы, и не можемъ не быть эгоистами, и должны ими быть. Эгоизмъ—эдорное чувство, на которомъ зиждется борьба за самосохраненіе, въ которой зиждется сама жизнь; эгоизмъ не защищаетъ собственныхъ „я“ отъ человека остального, объективного мира, и, первымъ дѣломъ, не наводитъ чужие чувства социальности, сознания общественного цлага, на которое способенъ „я“ являясь лишь незначительной частью, и которое властно царитъ и довлеетъ надъ этимъ „я“, предисполагая ему известные условные нормы поведения, прикладя его или мириться съ известными обстоятельствами, или поступать определеннымъ образомъ.

